

В.Л. Тамбовцев

д.э.н., профессор, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова (Москва)

НАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ФЕНОМЕН ОТСТУПЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ

Аннотация. В статье анализируется влияние так называемой народной экономической теории, достаточно широко распространённой среди неспециалистов, на электоральные процессы, происходящие последние годы в ряде демократических стран, часто трактуемые как отступление демократии. Для этого рассматривается понятие народной экономической теории, её содержание, причины и источники возникновения, а также факторы её устойчивости во времени. Показывается, что соответствующие убеждения состоят в понимании экономики как игры с нулевой суммой. На этой основе даётся обзор исследований тех политических последствий, которые генерирует народная экономическая теория. Характеризуется политический процесс, трактуемый как отступление демократии, и показывается, что фактор наличия у населения различных стран народных экономических убеждений является одной из причин возникновения процесса отступления демократии. На этой основе делается вывод о том, что действенные меры по преодолению отступления демократии должны включать также и действия по обеспечению отступления убеждений народной экономической теории.

Ключевые слова: народная экономическая теория, игра с нулевой суммой, отступление демократии.

JEL: D70

УДК: 303.01, 330.11, 330.161

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_45_58

© В.Л. Тамбовцев, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тамбовцев В.Л. Народная экономическая теория и феномен отступления демократии // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 45–58. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_45_58.

FOR CITATION: Tambovtsev V. Folk Economics and Democratic Backsliding Phenomenon // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 45–58. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_45_58.

Введение. Мировоззрение и поведение

Принимая решения, люди исходят из широкого разнообразия учитываемых при этом факторов. Что именно учитывается, зависит, в свою очередь, также от многих разных причин, начиная от понимания важности решения и кончая чертами личности индивида, такими как его когнитивные способности, склонность к риску и т.п. Особое место в этом многообразии факторов занимает мировоззрение индивида. Согласно [Koltko-Rivera, 2004. P. 4], мировоззрение — это «способ описания мира и жизни в нём, как в терминах “есть”, так и в терминах “должно быть”. Любое мировоззрение представляет собой множество убеждений, которые включают исчерпывающие (limiting) утверждения и предположения относительно того, что существует, а что нет (в действительности или в принципе), какие объекты или переживания хороши или плохи, какие цели, действия и отношения желательны или нежелательны. Мировоззрение определяет, что можно узнать или сделать в мире, и как это можно узнать или сделать».

Перечисленные характеристики мировоззрения, как легко видеть, включают и общие черты, присущие всем подсистемам окружающего мира, и специфические, свойственные лишь отдельным областям последнего. Очевидно, описание всех возможных составных частей мировоззрений, которые могут сформироваться у людей, — особая задача, требующая специальных исследований как теоретических, так и эмпирических. Исходя из тематики данной статьи, здесь имеет смысл вкратце очертить содержание двух таких частей — политического и экономического мировоззрения¹.

Первым будем называть совокупность убеждений индивида в том, как: а) формируется и должна формироваться система координации действий людей и их групп в том обществе, где он живет, а также в других человеческих сообществах; б) как она действует и должна действовать, включая формы и способы её воздействия на людей, наличие/отсутствие обратных связей и т.п. Иными словами, политическое мировоззрение — это представления индивида о системе власти в обществе, её формировании, действии и допустимых изменениях². Понятно, что каждый «блок» названных убеждений имеет различные возможные значения, что в совокупности обуславливает большое разнообразие политических мировоззрений, допускающее различные объединения в более общие разновидности таких мировоззрений.

Экономическое мировоззрение — это совокупность убеждений индивида в том, что: 1) представляет собой и должна представлять экономика; 2) как она работает и должна работать; 3) что в ней можно делать и чего нельзя; 4) как в ней взаимодействуют и должны взаимодействовать люди; 5) как можно и нужно получать знания о ней, чтобы она приносила больше пользы как самому индивиду, так и другим людям (кому именно, зависит от того, как индивид считает, кого под ними понимать). Как и в случае политического мировоззрения, каждый «блок» экономического допускает множество вариантов, что определяет широкое разнообразие экономических мировоззрений и возможность формирования их несовпадающих типологий.

Люди редко в явном виде и достаточно чётко формулируют свои убеждения очерченных типов, составляющие их мировоззрения. Обычно они существуют латентно, в виде ментальных моделей в нейросетях мозга, проявляя себя наиболее часто в ситуациях, когда намечаемый к выбору вариант решения оказывается в противоречии с ними. Именно в этих случаях мировоззренческие убеждения актуализируются и переходят из долговременной в рабочую память, подталкивая субъекта к тому, чтобы ещё раз подумать, тот ли вариант решения он наметил выбрать. Такое «вмешательство» мировоззрения не означает, что индивид непременно к нему прислушается и примет другое решение. Более того, составные части мировоззрения динамичны и поддаются внешнему воздействию проводимых государством и другими организациями политик [Ash, Mukand, Rodrik, 2021]. Тем не менее индивидуальное мировоззрение безусловно влияет на решения людей, а стало быть — и на их поведение.

Следовательно, изучение различных типов поведения без учёта мировоззренческого фактора было бы неполным. Особую важность, как представляется, имеет анализ влияния на тот или иной тип действий «непрофильных» компонентов мировоззрения: скажем, воздействие эстетических воззрений на экономические решения, или представлений об экономике на политическое поведение. Изучение такого рода «перекрёстных» влияний факторов одного качества на действия людей в другой сфере жизни не является чем-то новым: начиная с классической книги М. Вебера о протестантской этике и развитии капитализма, было проведено множество исследований, выявлявших подобные связи между подсистемами

¹ Как представляется, их можно также назвать политической и экономической идеологиями.

² Согласно [Jost, Nosek, Gosling, 2008], системы политических убеждений могут быть классифицированы по двум ключевым направлениям: а) содействовать или препятствовать социальным изменениям; б) отвергать или допускать неравенство.

общества. Например, в [Facchini, Melki, 2014] показано, что во Франции за период от 1871 г. по наше время увеличение доли правой идеологии среди избирателей связано с ускорением экономического роста; по результатам обработки данных репрезентативных опросов населения Голландии, полученным в [Kirchmaier, Prüfer, Trautmann, 2018], верующие менее склонны к неэтичному экономическому поведению типа уклонения от уплаты налогов, чем неверующие, и менее склонны к перераспределению; в [Chrysanthou, Guillo, 2024] подтверждена (для Великобритании) гипотеза экономического голосования, т.е. эмпирически показано, что поддержка правящей политической партии положительно связана с субъективным восприятием собственного финансового благополучия; и это лишь небольшая часть такого рода эмпирических исследований. Заметим, однако, что речь в упомянутых современных работах идёт о различных факторах, характеризующих политическую и экономическую сферы жизни, но не о взаимосвязи или взаимовлиянии соответствующих мировоззрений.

Попытке проанализировать связь между экономическим мировоззрением определённого типа и его политическими последствиями и посвящена данная статья. В следующем её разделе мы обсудим основные черты народной экономической теории (folk economics) как разновидности экономического мировоззрения, далее приведём примеры выявленных политических последствий этой теории и, охарактеризовав объект изучения — феномен, получивший название «эрозии демократии», попытаемся связать его с особенностями народной экономической теории, разделяемой значительной частью населения различных стран. Выводы из проведённого анализа завершают статью.

Основные убеждения народных экономических теорий

В литературе существует, как минимум, две широко известных³ статьи, авторы которых утверждали (и подтверждали эмпирическими данными и логическими выводами), что изучение положений экономической теории подавляет кооперацию между людьми, содействуя тем самым росту числа плохих граждан (bad citizens) [Frank, Gilovich, Regan, 1993; Frank, Gilovich, Regan, 1996]. В тот же период появился ряд других работ, которые демонстрировали наличие существенных различий в характеристиках экономических процессов и явлений со стороны экономистов и обычных людей, не обладающих знаниями экономической теории [Frey, Pommerehne, 1993; Williamson, Wearing, 1996; Blendon et al., 1997; Caplan, 2001].

Отмеченные расхождения объяснялись как тем, что экономисты следовали положениям изучаемой (и развиваемой) ими теории, так и тем, что экономистами предпочитали становиться те, кто изначально был более эгоистичен. Кроме того, была также высказана точка зрения, согласно которой позиции простых людей были не более чем отклонениями (bias) от правильных убеждений экономистов, обусловленными сложностью изучения и понимания экономической теории [Caplan, 2002]⁴.

Альтернативное объяснение отмечаемых расхождений в понимании работы экономики между профессионалами и неспециалистами было сделано П. Рубином. С его точки зрения, демонстрируемое значительным числом людей видение экономики представляет собой проявления особого экономического мировоззрения, которое он назвал народной экономической теорией (folk economics). Её специфическая черта — трактовка основных экономических процессов как *распределительных*, а не *производственных*. Соответственно, цены понимаются людьми как инструменты распределения богатства, а не данные, позво-

³ Первая цитируется около 2,5 тыс. раз, вторая — почти 500 раз.

⁴ Несколько позже это было выражено в форме заголовка статьи «Умственная одарённость (Intelligence) позволяет людям думать, как экономистам» [Caplan, Miller, 2010].

ляющие производителям понять, что производить и в каких объёмах. В народной экономической теории (НЭТ) «количество торгуемых благ — как в целом, так и каждого конкретного — фиксировано и независимо от цены. Более того, каждый индивид связан с распределением богатства и дохода (с некоторым, однако не исключительным, вниманием к собственному богатству), но не с какой-то выгодой от экономической деятельности. Мир народной экономической теории — это мир с нулевой суммой, и первейшая экономическая задача любого индивида — максимизировать в этом мире собственное богатство. Одно из торгуемых благ — это работа, так что число работ также видится фиксированным. Следовательно, в народной экономической теории, если какой-то человек получает работу, то кто-то другой должен её потерять» [Rubin, 2003 Pp. 157–158].

Концепция существования и действия НЭТ не сразу была принята другими исследователями, изучавшими различия в понимании экономики профессионалами и неспециалистами. Позитивные изменения произошли после того, как П. Буайе и М. Петерсен предложили эволюционно-когнитивную модель формирования НЭТ, связав её основные утверждения, которые разделяют многие люди, с особенностями их жизнеобеспечения в период, предшествовавший эпохе неолита. До того, как в течение последней, люди начали производить продукты питания в отраслях земледелия и скотоводства, преобладающими типами деятельности были, как известно, охота и собирательство, осуществляемые относительно небольшими группами, а также первая производительная отрасль — изготовление каменных орудий, игравших вспомогательную роль в процессах охоты, собирательства и обработки добытых продуктов питания. Понятно, что в условиях присвоения лишь того, что создано природой, добыча объекта одним индивидом лишала возможностей его приобретения другим, так что ситуация «win-win», естественная для обмена произведёнными объектами, охотниками-собирателями воспринималась как невероятная. Длительность существования человечества в форме таких групп обеспечила эволюционные преимущества тем, кто обладали такими когнитивными механизмами, как стремление обеспечить принадлежность группе, осуждение и наказание «безбилетников», уклонявшихся от участия в совместной деятельности группы, предпочтение членов группы при выборе партнёров, и т.п. [Boyer, Petersen, 2018 Pp. 8–9]⁵. Подобные когнитивные механизмы, рудиментарно существующие и у современных людей, как раз и обуславливают распределительное, а не производительное понимание экономики теми, кто их (скорее всего, неосознанно) использует⁶.

В рассматриваемой статье П. Буайе и М. Петерсен весьма детально обсудили следующие убеждения, входящие в «типовую» НЭТ: 1) международная торговля — это игра с нулевой суммой, в которой менее развитая страна проигрывает, а более развитая — выигрывает; 2) иммигранты «воруют» рабочие места у местных жителей; 3) иммигранты перенасыщают систему социальной защиты; 4) обязательные программы социальной защиты перегружены иждивенцами (scroungers); 5) рынки отрицательно влияют на общество⁷; 6) мотивация получения прибыли плохо влияет на общее благосостояние общества⁸; 7) стоимость создаётся трудом; 8) регулирование цен позволяет достигать тех цели, ради которых оно осуществляется. Приводимые в статье свидетельства ясно говорят об ошибочности этих убеждений, их несоответствии как экономической теории, так и практике.

⁵ Другое когнитивное объяснение различий между пониманием экономики специалистами и другими людьми было предложено в [Leiser, Shemesh, 2018], где авторы обратили внимание на сложность экономической теории, создающую препятствия деятельности когнитивных механизмов, справляющихся с восприятием и обработкой повседневной жизни. Этот подход развивал точку зрения, высказанную ранее Б. Капланом [Caplan, 2002; Caplan, Miller, 2010].

⁶ Заметим, что усиленное внимание, которое преобладающая экономическая теория в её популярном изложении отдаёт процессам обмена, а не производства, только подкрепляет такое воздействие когнитивных навыков каменного века.

⁷ П. Рубин назвал такое убеждение эмпориофобией (emporiophobia), или боязнью рынка [Rubin, 2014b].

⁸ Более детально это убеждение анализируется в [Bhattacharjee, Dana, Baron, 2017].

Разумеется, приведённые убеждения отнюдь не исчерпывают содержания НЭТ. Скажем, одним из проявлений стремления регулировать цены является концепция «справедливой цены», рождённая теологами Средних Веков [Baldwin, 1959], однако применявшаяся в истории экономики США [De Roover, 1958; Boyd, 2018], а также всерьёз обсуждаемая в наши дни в социологии организаций [Reinecke, Ansari, 2015] и разделяемая обычными людьми применительно к рынку труда [Haferkamp, Fetchenhauer, Belschak, Enste, 2009].

Интересное наблюдение относительно особенностей экономического мышления людей, разделяющих убеждения НЭТ, было сделано в [Leiser, Aroch, 2009]. Исследуя, как неспециалисты представляют причинно-следственные связи макроэкономических понятий, авторы попросили их ответить на вопросы о том, как поведёт себя некоторая переменная, если другая увеличится. Такие пары были построены для 19 ключевых макроэкономических переменных. Анализируя полученные ответы, исследователи установили, что, не обладая научными знаниями о макроэкономических закономерностях, респонденты сформировали нетривиальную эвристику, в соответствии с которой рост одних «хороших» переменных должен приводить к росту других «хороших», но сокращению «плохих» переменных, и, наоборот, рост одних «плохих» вызывал рост других, но снижение «хороших». К «хорошим» респонденты отнесли такие показатели, рост которых воспринимался ими как благо, например, национальный кредитный рейтинг или корпоративная прибыль, а к «плохим» — те, для которых благом было их снижение, например, инфляция или уровень налогообложения. Эта эвристика, названная в работе «благо рождает благо» (good-begets-good), позволяет респондентам, как легко видеть, демонстрировать определённую компетентность в ответах на вопросы, несмотря на отсутствие теоретических знаний. Значимая роль данной эвристики в рассуждениях неспециалистов о макроэкономике подтверждается анализом, проведённым в [Dixon, Griffiths, Lim, 2014].

Выявленная эвристика, как представляется, демонстрирует такую особенность НЭТ, как отсутствие системности видения экономики и системного мышления в рассуждениях о ней. Ведь системное видение и мышление предполагают, что индивид представляет себе объект как совокупность нескольких (по крайней мере, больше двух) факторов, между которыми существуют связи (быть может, противоположно направленные), определяющие результат взаимодействия факторов. Свойства упомянутых факторов также могут быть многообразны. Легко видеть, что эвристика «благо рождает благо» далека от системности: ведь на результат влияния одного «блага» на другое в конкретных условиях вполне может влиять некоторое третье «зло», а в других условиях — не влиять, так что на деле удобная эвристика может легко «не сработать». Иначе говоря, *общего* ответа на то, что будет с благом Б, если благо А увеличилось, скорее всего просто нет, поскольку есть ещё факторы В, Г и вероятно Д, от которых Б тоже зависит.

Как было отмечено в [Bhattacharjee, Dana, 2018], не все убеждения НЭТ основаны на когнитивных механизмах, эволюционно «отобранных» экономикой каменного века, некоторые имеют куда более позднее происхождение. Обратим в этой связи внимание на имеющиеся у индивидов убеждения в том, что такие подсистемы экономики, как *рынки* и *институциональная среда*, действуют автоматически, без усилий со стороны людей. Такое отношение к рынкам во многом следует из представлений об экономике как о своенравном (willful) существе, совершающем целенаправленные действия [Forstmann, Burgmer, 2018]. В нашей стране в конце 1980-х — начале 1990-х гг. такие убеждения демонстрировали не только простые граждане, но и многие политики и журналисты, утверждавшие, что рынок всех рассудит, он наведёт порядок, решив, что хорошо, а что плохо, и т.п. Интересно, что экономическая теория также фактически поддерживает подобные суждения, широко употребляя метафору «невидимой руки» рынка, распространяя гипотезу эффективности рынка, выдвинутую в [Fama, 1970]. И это несмотря на то, что в [Greenwald, Stiglitz, 1986] было показано: в реальности, т.е. при отсутствии полной системы рынков риска и в условиях несовершенной информации, система рынков *неэффективна*.

Что касается представлений об автоматичности институтов, то они, весьма вероятно, являются результатом вольного понимания неспециалистами утверждений, достаточно широко распространённых в некоторых областях социальных наук. Так, философы юридической науки давно обсуждают понятие *нормативности права* [Bix, 2018; Naaga, 2020], которое, при его расплывчатости [Green, 2004], можно трактовать и так, что принятый законодателем закон будет исполняться без каких-либо усилий со стороны государства в силу своей нормативности.

Свой вклад в «автоматизацию» институтов вносят и сторонники старого экономического институционализма. В своей известной статье, посвящённой определению понятия института, Дж. Ходжсон утверждает: «...мы можем определить институты как системы установленных и преобладающих социальных правил, которые структурируют социальные взаимодействия» [Hodgson, 2006. P. 2]. Легко видеть, что это структурирование не предполагает согласно определению чьих-то (и каких-то) усилий, оно происходит как бы само собой в силу установления и преобладания некоторых социальных правил. По мнению, высказанному в [Dequech, 2006. P. 473], институты считаются самоподдерживающимися (self-enforcement), если их паттерны исполняются индивидами не из опасения быть подвергнутыми внешним санкциям. Такие институты действительно существуют; подавляющее большинство из них являются неформальными, т.е. их гарантами выступают все те их адресаты, которые считают, что входящие в эти институты правила следует выполнять, потому что они правильные, приносящие пользу как им самим, так и другим людям. В силу такой убеждённости эти адресаты готовы наказывать тех, кто с ними не согласен. Однако это готовы делать лишь некоторые из них, поскольку другие могут вполне обоснованно опасаться «силового» ответа со стороны нарушителя. Тем самым, теоретики-институционалисты будут продолжать считать такой институт «самоподдерживающимся», хотя в действительности он перестанет быть таковым.

Изучение НЭТ, включая выявление составляющих её убеждений, в том числе и их различия для тех или иных социальных групп, а также развитие теоретических оснований, отнюдь не завершено. Так, недавно исследователи предложили более широкую психологическую трактовку такого её компонента, как убеждённость в нулевой сумме обменов [Davidai, Tepper, 2023]. В [Sznycer et al., 2017] эмпирически показано, что источниками убеждений в необходимости перераспределения доходов может выступать социальное сравнение, зависть и эгоистический интерес, а вовсе не стремление к равенству и справедливости, как принято считать [McCaffery, Baron, 2005].

В заключение раздела заметим, что несмотря на то, что концепту НЭТ уже больше 20 лет, некоторые исследователи продолжают обсуждать, правильно ли люди трактуют экономику [Facchini, 2017; Killick, 2017]. Кроме того, эволюционно-когнитивная модель происхождения НЭТ является объектом разносторонней критики [Bendixen, 2019; Pies, 2023; Jaramillo, Lombo, 2024]. Тем самым НЭТ представляет собой объект далеко не завершённых исследований. Вместе с тем это понятие уже широко применяется для эмпирического изучения влияния его элементов на политические сферы ряда стран.

Выявленные политические последствия НЭТ

Поскольку профессиональные экономисты редко становятся профессиональными политиками, а последние не часто способны научно сопоставить рекомендации в области экономики, которые им дают эксперты, опирающиеся на несовпадающие теоретические основания, те интуитивные представления об экономике, которыми располагают политики, с большой вероятностью могут оказаться вариантами убеждений, составляющих НЭТ.

Наибольшее внимание в изучении последствий этого было уделено воздействию на политические решения убеждений в том, что обмены суть игры с нулевой суммой. Это не удивительно, поскольку, с точки зрения П. Рубина, «политическое мышление стремится быть делением ограниченного пирога, в то время как в экономической теории допускается положительная сумма взаимодействий» [Rubin, 2014a. P. 912]. Иными словами, для Рубина убежденность в нулевой сумме в экономическом мировоззрении не просто влияет на политическое мышление, но является неотъемлемой частью последнего. Обсуждение параметров политического мышления и их сопоставление с другими способами мышления выходит далеко за рамки данной статьи, так что обратимся к конкретным эмпирическим оценкам воздействия НЭТ на политические процессы.

Прежде всего отметим, что мета-анализ почти пяти десятков эмпирических исследований позволил в [Perry, Sibley, Duckitt, 2013] установить положительную связь между убеждениями в конкурентности окружающего мира (как следствия того, что отношения в нём являются играми с нулевой суммой) и правым авторитаризмом⁹. Схожие результаты были получены в [Perkins, Toskos Dils, Flusberg, 2020], где было выявлено, что среди американских респондентов более высокий уровень консерватизма демонстрируют те, кто разделяет взгляд на мир как на игру с нулевой суммой, в то время как убеждённые в противоположном имеют скорее либеральную ориентацию.

Такой взгляд на мир, согласно [Davidai, Ongis, 2019], обостряет политические конфликты, хотя у консерваторов это происходит в тех случаях, когда они ведут к изменению *status quo*, а у либералов — даже в случае его сохранения. Этот взгляд, кроме того, подталкивает его обладателей избегать политических дискуссий со своими идеологическими оппонентами, о чём свидетельствуют эмпирические данные, полученные в США и Израиле [Boland & Davidai, 2024]. Широкая распространённость такого убеждения подтверждается большим числом эмпирических исследований [Johnson, Zhang, Keil, 2022]. В статье [Różycka-Tran, Jurek, Olech, Piotrowski, Żemojtel-Piotrowska, 2019] авторы обращают внимание на то, что «нулевая» трактовка социальных взаимодействий означает их понимание как борьбы за обладание ограниченными ресурсами, что не может не вызвать роста военных расходов и ограничения гражданских свобод. Обработка данных, полученных от 5520 респондентов в тридцати странах, подтвердила приведённый логический вывод. «Нулевое» видение мира влияет также на нежелание принимать беженцев [Piotrowski, Różycka-Tran, Baran, Żemojtel-Piotrowska, 2019].

Согласно [Carvalho, Bergeron, Henrich, Nunn, Weigel, 2023], убежденность в нулевой сумме жизненной «игры» обуславливает скептическое отношение к значимости серьёзных усилий для достижения успеха, а оно, в свою очередь, как показывают экспериментальные и эмпирические исследования, способствуют принятию консервативной политической идеологии [Eidelman, Crandall, Goodman, Blanchar, 2012].

В исследовании [Diessner, 2023] рассматривается воздействие на политику такого элемента НЭТ, как проведение аналогий между государством и домашним хозяйством, а также между Центральным банком и обычным коммерческим банком. В обоих случаях опора на такие аналогии приводит к принятию некорректных решений. Масштабный анализ использования Д. Трампом в его избирательной компании 2016 г. различных убеждений НЭТ представлен в [Swedberg, 2018].

Общим местом в рассуждениях ряда политиков и публицистов в развивающихся и реформирующихся странах стало озвучивание убежденности в том, что основное условие успеха — это существование таких социальных феноменов, как институты. С их точки

⁹ Более позднее исследование установило, что сильное влияние на консервативную ориентацию оказывает убежденность в опасности окружающего мира [Clifton, Kerry, 2023], что, как легко видеть, также следует из уверенности в преобладании в нём игр с нулевой суммой.

зрения, если те или иные институты созданы, то далее они действуют автоматически, ни от кого не завися и не требуя дополнительных усилий от их создателей, включая их независимость от изменений ситуации и изменений в убеждениях и предпочтениях гарантов этих институтов, тех наёмных работников, которым поручено наблюдать за исполнением адресатами установленных правил и привлекать к наказанию тех, что замечен в их нарушении.

Мы видим, что за последние несколько лет применение концепта НЭТ для объяснения ряда феноменов, их свойств и зависимостей между ними в сфере политики получило достаточно широкое распространение. Однако разнообразие этой сферы и её высокая динамичность предоставляют самые широкие возможности для дальнейшего его использования.

Феномен отступления демократии и роль НЭТ

Согласно [Grillo, Luo, Nalepa, Prato, 2024. Pp. 382-383], «исследователи часто используют термин отступление демократии (democratic backsliding) как взаимозаменяемый с популизмом, автократизацией и эрозией демократии, хотя эти термины охватывают разные понятия... отступление демократии означает процесс снятия (removing) ограничений с подотчётности демократически избранных лидеров исполнительной власти ... Отступление демократии ослабляет институты и правила, которые определяют, кто может голосовать, кто может баллотироваться на государственную должность (run for office), кто может заставить исполнительную власть предоставить информацию и кто может блокировать односторонние действия исполнительной власти. Мы можем классифицировать эти ослабления в соответствии с тем, что они: а) препятствуют исполнительной власти манипулировать выборами или б) ограничивают дискреционные действия исполнительной власти в различных областях политики».

Такого рода изменения фиксировались в литературе достаточно давно [Pollack, Pollack, 1993], а рост их масштабов в последнее десятилетие отмечается, например, в странах Европейского Союза — как в недавно принятых [Ágh, 2016; Cianetti, Dawson, Hanley, 2018], так и в других [Kelemen, 2017; Gora, de Wilde, 2022]. Различные проявления эрозии демократии исследователи видят также в странах Юго-Восточной Азии [Shin, 2021].

Поскольку речь идёт о действиях демократически избранных лидеров исполнительной власти, это означает, что избиратели, ранее отдававшие свои голоса политикам, осуществлявшим действия, соответствующие социальным нормам демократии¹⁰, начали во всевозрастающем числе голосовать за тех, кто разделяет и реализует иные политические идеологии. Другими словами, за эрозией демократии стоит смена политической идеологии значительной частью населения, т.е. *выбор* ею тех идеологий, которые ранее не выбирались. На сегодня существует, как известно, несколько концепций, претендующих на то, чтобы определить (или выявить) те механизмы, которые обеспечивают идеологическую принадлежность индивидов.

Так, в [Smith et al., 2011; Funk et al., 2013; Hatemi et al., 2014] приводятся разнообразные эмпирические данные, свидетельствующие о связи между генетикой индивидов и их политическими установками. Исследования, представленные в [Caprara et al., 2006; Inbar, Pizarro, Bloom, 2009; Terrizzi, Shook, McDaniel, 2013; Zeigler-Hill et al., 2020], свидетельствуют о связях между личностными характеристиками и политическими убеждениями граждан, включая фактор моральных убеждений [Graham, Haidt, Nosek, 2009]. Результаты таких работ, как [Helzer, Pizarro, 2011; Dodd et al., 2012; Smith, Warren, 2020], говорят о воздействии

¹⁰ О нормах демократии см. [Goldstein, 2022; Bischof, Allinger, Le Corre, Frederiksen, 2023; Dinas, Martínez, Valentim, 2024].

на политические воззрения физиологических свойств людей, в то время как в [Kandler, Bleidorn, Riemann, 2012], наряду с упомянутыми выше, подчёркивается значимость фактора передачи культурных ценностей. Обобщающие исследования различных источников политических идеологий представлены в [Feldman, Johnston, 2014; Grünhage, Reuter, 2021]. Наличие таких источников идеологической приверженности делает вполне понятным эмпирический вывод о *стабильности* политических установок в течение жизненного цикла индивидов [Prior, 2010].

Как такая устойчивость может сочетаться с упомянутым выше феноменом отступления демократии? Представляется, ответ на этот вопрос даёт модель выбора кандидата при голосовании, в которой избиратель сопоставляет с обещаниями кандидатов как свои *политические убеждения*, так и *неполитические потребности* [Gries, Müller, Jost, 2022]. Какая из этих групп факторов окажется решающей при выборе, а priori определить невозможно. Не следует также забывать, что некоторая часть потенциальных избирателей может быть политически пассивной, т.е. не иметь интереса к получению и осмыслению политической информации [Amnå, Ekman, 2014], так что в процессах её выбора значимым окажется лишь фактор неполитических потребностей. Очевидно, доля таких избирателей может ощутимо варьировать в разных странах.

Таким образом, проведённые на сегодняшний день исследования в целом показывают наличие значительного числа факторов, обеспечивающих устойчивость политико-идеологических установок в течение жизни индивидов. Это означает, что *смена идеологий* как причина или источник изменения выбора избирателей, приводящий к отступлению демократии, является маловероятной в силу её противоречия приведённым результатам. Либо «отступники» изначально имели авторитарные идеологические установки, не демонстрируя их публично лишь в силу тех или иных внешних обстоятельств (такое вполне могло иметь место среди жителей бывших социалистических стран¹¹), либо за их недавними действиями скрываются иные причины¹². Как представляется, на роль таких причин могут претендовать некоторые убеждения, составляющие часть НЭТ.

Анализ приведённой выше литературы, отражающей исследование отступления демократии, позволяет выделить следующие убеждения НЭТ, присущие избирателям и оказывающиеся в основании этого феномена: 1) международная торговля — это игра с нулевой суммой, в которой менее развитая страна проигрывает, а более развитая — выигрывает; 2) иммигранты «воруют» рабочие места у местных жителей; 3) иммигранты перенасыщают систему социальной защиты; 4) обязательные программы социальной защиты перегружены иждивенцами (scroungers), что негативно сказывается на благополучии «старожил»; 5) демократические институты действуют самостоятельно, и их деятельность не зависит от того, за каких кандидатов голосуют избиратели.

Та же литература показывает, что первые четыре убеждения не только свойственны части избирателей, но и активно утверждаются кандидатами на занятие властных позиций как компоненты их партийных и избирательных программ, обосновывающие те обещания, которые, с точки зрения избирателей, принесут удовлетворение их потребностей. Такое совпадение, конечно, далеко не случайно, поскольку кандидаты, чьё выдвижение и последующие успехи порождают угрозу отступления демократии, основываются на политической идеологии, получившей название популизма. В сравнении с другими политическими идеологиями, такими как консерватизм/либерализм, популизм не содержит исходных нормативных (целевых) представлений о том, каким должно стать общество, цель канди-

¹¹ В Европейском Союзе о кризисе демократии стали говорить применительно именно к этим странам [Ágh, 2016; Cianetti, Dawson, Hanley, 2018].

¹² Разумеется, люди могут поступать иначе, чем им «предписывают» их убеждения, установки и ценности, что было давно установлено экспериментально [Libet, 1985].

датов-популистов — войти во властные структуры, заявляя, что они будут реализовывать то, что хотят избиратели, и ожидая поддержки со стороны последних, которую в конечном счёте они и получают.

Что не так в этом вполне демократическом (на первый взгляд) процессе? Если избиратели, которые в массе своей вряд ли являются экономистами-профессионалами, вполне могут не знать, какие последствия для их благосостояния могут повлечь обещаемые действия кандидатов-популистов, то последние *могут* найти экспертов, которые докажут им, что последствия обещаемых действий вредоносны для экономики страны. Однако в данном случае «могут сделать» не означает, что «делают», а если и делают, то не обязательно несут ответственность за негативные последствия. Ведь оказавшись во властных структурах, популисты вполне могут изменить те юридические нормы, которые обеспечили их попадание туда. Избиратели не учитывают возможность таких последствий своего голосования, поскольку у них существует и последнее из приведённых убеждений НЭТ — уверенность, что институты действуют сами по себе, в силу чего институциональная среда, создающая образ жизни избирателей, при любом их голосовании не изменится.

При этом важно отметить, что демократы-инкумбенты, в силу своего образования и общения с коллегами, могут не разделять совокупность убеждений НЭТ, в силу чего, возможно, просто не понимают, как избиратели могут иметь столь ошибочные убеждения. По этой причине вряд ли можно ожидать активной разъяснительной работы инкумбентов с избирателями, посвящённой не изложению своих взглядов и позиций, а разъяснению того, что следует из положений экономической теории. Отсутствие подобной разъяснительной работы означает, что приведённые убеждения НЭТ остаются у тех, кто их имел, продолжая влиять на голосование.

Нельзя не отметить и ещё один момент. Современная демократия построена на идее делегирования прав на распоряжение бюджетом организации (государства), что предполагает разделение труда и специализацию, важность которых подчёркивал ещё А. Смит. Работа такой системы для фирм, производящих торгуемые блага, оценивается на рынке через взаимодействие продавцов и покупателей, ясно показывающее качество работы тех, кому делегированы права управления взаимодействием работников. Но межгосударственные отношения не являются рыночными, а государство как организация не производит торгуемую продукцию. Это означает, что внешняя *рыночная* оценка качества руководителей государства невозможна и на практике она отсутствует. Эту оценку качества осуществляют избиратели, поддерживая инкумбентов, либо отдавая предпочтения другим кандидатам и/или политическим партиям. Однако выборы национального масштаба происходят через достаточно длительные промежутки времени, хотя последствия действий руководителей государственных агентств и ведомств могут принести нежелательные для избирателей плоды за гораздо более короткие промежутки.

Всё это ясно говорит о необходимости *текущего контроля* граждан за действиями тех, кому они делегировали свои права, выбрав их на те или иные должности в государстве. Контроля, который в настоящее время отсутствует [Lanza, Patti, Navarra, 2020]. Ведь оценка с частотой один раз в несколько лет даёт возможность избранным на властные должности нанести значительный вред всей совокупности избирателей.

Свобода слова и политическая конкуренция создают возможности *текущей критики*, однако не предоставляют инструментов контроля и воздействия в период между выборами. Это означает, что инкумбенты государства могут не реагировать на критику, если требуемые изменения не соответствуют избранным ими политикам, программам и иным принятым решениям. Этому особенно препятствует типичная для политиков в демократических системах практика стремления «не потерять лица» в виде признания совершённых ошибок [Weaver, 1986], хотя бы в неявной форме изменения ранее принятых решений. Следовательно, для критиков остаётся единственная легальная возможность

изменить сложившуюся и не устраивающую их ситуацию — голосовать *против* инкубентов, даже если в принципе они разделяют высказываемые ими идеологические положения.

Таким образом, мы видим, что наличие перечисленных выше убеждений, соответствующих НЭТ, у большого числа граждан разных стран при проведении в них инкубентами политик, вступающих в противоречия с такими убеждениями, в состоянии создать ситуации, трактуемые многими исследователями и политиками как отступление демократии. Я не хочу сказать, что наличие НЭТ — *единственная* причина возникновения таких ситуаций, однако пренебрегать ею при выработке мер противодействия существующим тенденциям электорального процесса значит затруднять восстановление главенства демократических принципов.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Ágh A. (2016). The Decline of Democracy in East-Central Europe: Hungary as the Worst-Case Scenario // *Post-Communism*. Vol. 63. Is. 5–6. Pp. 277–287.
- Amnå E., Ekman J. (2014). Standby citizens: Diverse faces of political passivity // *European Political Science Review*. Vol. 6. Is 2. Pp. 261–281.
- Ash E., Mukand S., Rodrik D. (2021). *Economic Interests, Worldviews, and Identities: Theory and Evidence on Ideational Politics* / NBER Working Paper 29474.
- Baldwin J.W. (1959). The Medieval Theories of the Just Price: Romanists, Canonists, and Theologians in the Twelfth and Thirteenth Centuries // *Transactions of the American Philosophical Society, New Series*. Vol. 49. No. 4. Pp. 1–92.
- Bendixen T. (2019). Sense or non-sense? A critical discussion of a recent evolutionary–cognitive approach to «folk-economic beliefs» // *Evolution, Mind and Behaviour*. Vol. 17. Is. 1. Pp. 29–47.
- Bhattacharjee A., Dana J. (2018). Not all folk-economic beliefs are best understood through our ancestral past // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 41. e163.
- Bhattacharjee A., Dana J., Baron J. (2017). Anti-Profit Beliefs: How People Neglect the Societal Benefits of Profit // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 113. No. 5. Pp. 671–696.
- Bischof D., Allinger T.L., Le Corre J.M., Frederiksen K.V.S. (2023). *(Mis-)Perceiving Support for Democracy: The Role of Social Norms for Democracies* / Working Papers, Department of Political Science, Aarhus University (DK)
- Bix B. (2018). Kelsen, Hart, and Legal Normativity // *Revus. Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law (Revija Za Ustavno Teorijo in Filozofijo Prava)*. Vol. 34. Pp. 25–42.
- Blendon R., Benson J., Brodie M., Morin R., Altman D., Gitterman D., Brossard M., James M. (1997). Bridging the Gap Between the Public's and Economists' View of the Economy // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 11. No. 3. Pp. 105–118.
- Boland F.K., Davidai S. (2024). Zero-sum beliefs and the avoidance of political conversations // *Communications Psychology*. Vol 2. Article 43. DOI: 10.1038/s44271-024-00095-4.
- Boyd W. (2018). Just Price, Public Utility, and the Long History of Economic Regulation in America // *Yale Journal on Regulation*. Vol. 35. Pp. 721–777.
- Boyer P., Petersen M.B. (2018). Folk-economic beliefs: An evolutionary cognitive model // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 41. Article e158.
- Caplan B. (2001). What makes people think like economists? Evidence on economic cognition from the Survey of Americans and Economists on the Economy // *Journal of Law and Economics*. Vol. 44. No. 2. Pp. 395–426.
- Caplan B. (2002). Systematically Biased Beliefs about Economics: Robust Evidence of Judgemental Anomalies from the Survey of Americans and Economists on the Economy // *Economic Journal*. Vol. 112. No. 479. Pp. 433–458.
- Caplan B., Miller S.C. (2010). Intelligence makes people think like economists: Evidence from the General Social Survey // *Intelligence*. Vol 38. Is. 6. Pp. 636–647.
- Caprara G.V., Schwartz S., Capanna C., Vecchione M., Barbaranelli C. (2006). Personality and politics: Values, traits, and political choice // *Political Psychology*. Vol. 27. Is. 1. Pp. 1–28.
- Carvalho J.-P., Bergeron A., Henrich J., Nunn N., Weigel J. (2023). *Zero-sum thinking, the evolution of effort suppressing beliefs, and economic development*. NBER Working Paper 31663. DOI: 10.3386/w31663.
- Chrysanthou G.M., Guillo M.D. (2024). Identifying the economic determinants of individual voting behaviour in UK general elections // *Oxford Economic Papers*. Vol. 76. Is. 1. Pp. 267–289. DOI: 10.1093/oepp/gpad003.
- Cianetti L., Dawson J. & Hanley S. (2018). Rethinking “democratic backsliding” in Central and Eastern Europe — looking beyond Hungary and Poland // *East European Politics*. Vol. 34. Is. 3. Pp. 243–256.
- Clifton J.D. W., Kerry N. (2023). Belief in a dangerous world does not explain substantial variance in political attitudes, but other world beliefs do // *Social Psychological and Personality Science*. Vol. 14. Is. 5. Pp. 515–525. DOI: 10.1177/19485506221119324.

- Davidai S. & Tepper S. J. (2023). The psychology of zero-sum beliefs // *Nature Reviews Psychology*. Vol. 2. Pp. 472–482. DOI:10.1038/s44159-023-00194-9.
- Davidai S., Ongis M. (2019). The politics of zero-sum thinking: The relationship between political ideology and the belief that life is a zero-sum game // *Science Advances*. Vol. 5. Is. 12. Article eaay3761.
- De Roover R. (1958). The Concept of the Just Price: Theory and Economic Policy // *Journal of Economic History*. Vol. 18. No. 4. Pp. 418–434.
- Dequech D. (2006). Institutions and Norms in Institutional Economics and Sociology // *Journal of Economic Issues*. Vol. 40. No. 2. Pp. 473–481.
- Diessner S. (2023). The power of folk ideas in economic policy and the central bank–commercial bank analogy // *New Political Economy*. Vol. 28. No. 2. Pp. 315–328. DOI: 10.1080/13563467.2022.2109610.
- Dinas E., Martínez S. and Valentim V. (2024). Social Norm Change, Political Symbols, and Expression of Stigmatized Preferences // *Journal of Politics*. Vol. 86. No. 2. Pp. 488–506. DOI: 10.2139/ssrn.3516931.
- Dixon R., Griffiths W., Lim G. C. (2014). Lay people's models of the economy: A study based on surveys of consumer sentiments // *Journal of Economic Psychology*. Vol. 44. Pp. 13–20.
- Dodd M. D., Balzer A., Jacobs C. M., Gruszczynski M. W., Smith K. B. and Hibbing J. R. (2012). The political left rolls with the good and the political right confronts the bad: connecting physiology and cognition to preferences // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 367. Is. 1589. Pp. 640–649.
- Eidelman S., Crandall C.S., Goodman J.A. and Blanchar J.C. (2012). Low-Effort Thought Promotes Political Conservatism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 38. Is. 6. Pp. 808–820.
- Facchini F. (2017). Public choice failure and voter incompetence in France // *Political Quarterly*. Vol. 88. Is. 2. Pp. 258–264.
- Facchini F., Melki M. (2014). Political Ideology and Economic Growth: Evidence from the French Democracy // *Economic Inquiry*. Vol. 52. Is. 4. Pp. 1408–1426.
- Fama E. F. (1970). Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work // *Journal of Finance*. Vol. 25. No. 2. Pp. 383–417.
- Feldman S. & Johnston C. (2014). Understanding the determinants of political ideology: Implications of structural complexity // *Political Psychology*. Vol. 35. Is. 3. Pp. 337–358.
- Forstmann M. and Burgmer P. (2018). The mind of the market: Lay beliefs about the economy as a willful, goal-oriented agent // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 41. Article e169.
- Frank R.H., Gilovich T. and Regan D.T. (1993). Does Studying Economics Inhibit Cooperation? // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 7. No. 2. Pp. 159–171.
- Frank R.H., Gilovich T.D., Regan D.T. (1996). Do Economists Make Bad Citizens? // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 10. No. 1. Pp. 187–192.
- Frey B.S., Pommerehne W.W. (1993). On the fairness of pricing — An empirical survey among the general population // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 20. Is. 3. Pp. 295–307.
- Funk C.L., Smith K.B., Alford J.R., Hibbing M.V., Eaton N.R., Krueger R.F., Eaves L.J., Hibbing J.R. (2013). Genetic and environmental transmission of political orientations // *Political Psychology*. Vol. 34. Is. 6. Pp. 805–819.
- Goldstein D.A.N. (2022). *The Social Foundations of Democratic Norms* (October 26, 2022). Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4314977> (access date: 24.09.2024).
- Gora A., de Wilde P. (2022). The essence of democratic backsliding in the European Union: deliberation and rule of law // *Journal of European Public Policy*. Vol. 29. Is. 3. Pp. 342–362. DOI: 10.1080/13501763.2020.1855465.
- Graham J., Haidt J., Nosek B.A. (2009). Liberals and Conservatives Rely on Different Sets of Moral Foundations // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 96. No. 5. Pp. 1029–1046.
- Green L. (2004). The Normativity of Law: What is the Problem? // *Oxford Handbook of Jurisprudence and Legal Philosophy* / S. Shapiro, J. Coleman (Eds.). — Oxford: Oxford University Press.
- Greenwald B.C., Stiglitz J.E. (1986). Externalities in economies with imperfect information and incomplete markets // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 101. No. 2. Pp. 229–264.
- Gries T., Müller V., Jost J.T. (2022). The Market for Belief Systems: A Formal Model of Ideological Choice // *Psychological Inquiry*. Vol. 33. Is. 2. Pp. 65–83.
- Grillo E., Luo Z., Nalepa M., Prato C. (2024). Theories of Democratic Backsliding // *Annual Review of Political Science*. Vol. 27. Pp. 381–400.
- Grünhage T., Reuter M. (2021). Tell Me Who You Vote for, and I'll Tell You Who You Are? The Associations of Political Orientation with Personality and Prosocial Behavior and the Plausibility of Evolutionary Approaches // *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. Article 656725.
- Haaga P.T. (2020). Law as a normative system in the philosophy of Joseph Raz // *Amamihe: Journal of Applied Philosophy*. Vol. 18. No. 6. Pp. 157–173. DOI: 10.13140/RG2.2.19602.39043.
- Haferkamp A., Fetchenhauer D., Belschak F., Enste D. (2009). Efficiency versus fairness: The evaluation of labor market policies by economists and laypeople // *Journal of Economic Psychology*. Vol. 30. Is. 4. Pp. 527–539.
- Hatemi P.K., Medland S.E., Klemmensen R., Oskarsson S., Littvay L., Dawes C.T., Verhulst B., McDermott R., Nørgaard A.S., Klofstad C.A., Christensen K., Johannesson M., Magnusson P.K., Eaves L.J., Martin N.G. (2014). Genetic Influences on Political Ideologies: Twin Analyses of 19 Measures of Political Ideologies from Five Democracies and Genome-Wide Findings from Three Populations // *Behavior Genetics*. Vol. 44. Is. 3. Pp. 282–294.

- Helzer E.G., Pizarro D.A. (2011). Dirty liberals! Reminders of physical cleanliness influence moral and political attitudes // *Psychological Science*. Vol. 22. Is. 4. Pp. 517–522.
- Hodgson G.M. (2006). What Are Institutions? // *Journal of Economic Issues*. Vol. 40. No. 1. Pp. 1–25.
- Inbar Y., Pizarro D.A., Bloom P. (2009). Conservatives are more easily disgusted than liberals // *Cognition and Emotion*. Vol. 23. Is. 4. Pp. 714–725.
- Jaramillo B., Lombo J.A. (2024). Reflective Minds: A Bibliographic Review of Ancestral Practices in the Worldview of Amerindian Peoples toward the Healing of the Spirit // *Ánfora*. Vol. 31. Is. 56. Pp. 319–347.
- Johnson S.G.B., Zhang J., Keil F.C. (2022). Win-win denial: The psychological underpinnings of zero-sum thinking // *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 151. Is. 2. Pp. 455–474. DOI: 10.1037/xge0001083.
- Jost J.T., Nosek B.A., Gosling S.D. (2008). Ideology: Its resurgence in social, personality, and political psychology // *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 3. No. 2. Pp. 126–136.
- Kandler C., Bleidorn W., Riemann R. (2012). Left or right? Sources of political orientation: the roles of genetic factors, cultural transmission, assortative mating, and personality // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 102. Is.3. Pp. 633–645.
- Kelemen R.D. (2017). Europe's Other Democratic Deficit: National Authoritarianism in Europe's Democratic Union // *Government and Opposition*. Vol. 52. No. 2. Pp. 211–238.
- Killick A. (2017). Do People Really Lack Knowledge About the Economy: A Reply to Facchini // *Political Quarterly*. Vol. 88. Is. 2. Pp. 265–272.
- Kirchmaier I., Prüfer J., Trautmann S.T. (2018). Religion, moral attitudes and economic behavior // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 148. Pp. 282–300.
- Koltko-Rivera M.E. (2004). The Psychology of Worldviews // *Review of General Psychology*. Vol. 8. No. 1. Pp. 3–58.
- Lanza G., Patti D.M.A., Navarra P. (2020). Can Citizens Affect the Performance of Their Elected Representatives? A Principal-Agent Model of Strategic Interaction in Democratic Systems // *Mathematics*. Vol. 8. No. 7. Article 1194. DOI: 10.3390/math8071194.
- Leiser D., Aroch R. (2009). Lay understanding of macroeconomic causation: The good-begets-good heuristic // *Applied Psychology: An International Review*. Vol. 58. Is. 3. Pp. 370–384.
- Leiser D., Shemesh Y. (2018). *How We Misunderstand Economics and Why It Matters: The Psychology of Bias, Distortion and Conspiracy*. — London: Routledge.
- Libet B. (1985). Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 8. No. 4. Pp. 529–539.
- McCaffery E.J., Baron J. (2005). The Political Psychology of Redistribution // *UCLA Law Review*. Vol. 52. Is. 6. Pp. 1745–1792.
- Perkins K.M., Toskos Dils A., Flusberg S.J. (2020). The perceived threat of demographic shifts depends on how you think the economy works // *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 25. Is. 1. Pp. 227–246. DOI: 10.1177/1368430220951621
- Perry R., Sibley C.G., Duckitt J. (2013). Dangerous and competitive worldviews: A meta-analysis of their associations with social dominance orientation and right-wing authoritarianism // *Journal of Research in Personality*. Vol. 47. Is. 1. Pp. 116–127.
- Pies I. (2023). *Folk economics and folk ethics as problems of moral reasoning: Ordonomic inspirations for business ethics*. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Diskussionspapier No. 13.
- Piotrowski J., Różycka-Tran J., Baran T., Żemojtel-Piotrowska M. (2019). Zero-sum thinking as mediator of the relationship of national attitudes with (un)willingness to host refugees in own country // *International Journal of Psychology*. Vol. 54. Is. 6. Pp. 722–730.
- Pollack B., Pollack M. (1993). Overview: the vulnerability of democracy // *Parliamentary Affairs*. Vol. 46. Is. 4. Pp. 447–457.
- Prior M. (2010). You've either got it or you don't? The stability of political interest over the life cycle // *Journal of Politics*. Vol. 72. Is. 3. Pp. 747–766.
- Reinecke J., Ansari S. (2015). What Is a «Fair» Price? Ethics as Sensemaking // *Organization Science*. Vol. 26. No. 3. Pp. 867–888.
- Różycka-Tran J., Jurek P., Olech M., Piotrowski J., Żemojtel-Piotrowska M. (2019). A Warrior Society: Data From 30 Countries Show That Belief in a Zero-Sum Game Is Related to Military Expenditure and Low Civil Liberties // *Frontiers in Psychology*. Vol. 9. Article 2645.
- Rubin P.H. (2003). Folk Economics // *Southern Economic Journal*. Vol. 70. No. 1. Pp. 157–171.
- Rubin P.H. (2014a). Buchanan, Economics, and Politics // *Southern Economic Journal*. Vol. 80. No. 4. Pp. 912–917.
- Rubin P.H. (2014b). Emporiophobia (fear of markets): Cooperation or competition? // *Southern Economic Journal*. Vol. 80. Is. 4. Pp. 875–889.
- Shin D.C. (2021). Democratic Deconsolidation in East Asia: Exploring System Realignments in Japan, Korea, and Taiwan // *Democratization*. Vol. 28. Is. 1. Pp. 142–160.
- Smith K.B., Oxley D.R., Hibbing M.V., Alford J.R., Hibbing J.R. (2011). Linking genetics and political attitudes: Reconceptualizing political ideology // *Political Psychology*. Vol. 32. No. 3. Pp. 369–397.

- Smith K.B., Warren C. (2020). Physiology predicts ideology. Or does it? The current state of political psychophysiology research // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. Vol. 34. Pp. 88–93. DOI: 10.1016/j.cobeha.2020.01.001.
- Swedberg R. (2018). Folk economics and its role in Trump's presidential campaign: An exploratory study // *Theory and Society*. Vol. 47. No. 1. Pp. 1–36.
- Sznycer D., Seal M.F.L., Sell A., Lim J., Porat R., Shalvi S., Halperin E., Cosmides L., Tooby J. (2017). Support for redistribution is shaped by compassion, envy, and self-interest, but not a taste for fairness // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*. Vol. 114. No. 31. Pp. 8420–8425.
- Terrizzi J.A., Shook N.J., McDaniel M.A. (2013). The behavioral immune system and social conservatism: A meta-analysis // *Evolution and Human Behavior*. Vol. 34. Is. 2. Pp. 99–108.
- Weaver R.K. (1986). The Politics of Blame Avoidance // *Journal of Public Policy*. Vol. 6. No. 4. Pp. 371–398.
- Williamson M., Wearing A. (1996). Lay people's cognitive models of the economy // *Journal of Economic Psychology*. Vol. 17. Is. 1. Pp. 3–38.
- Zeigler-Hill V., Martinez J.L., Vrabel J.K., Ezenwa M.O., Oraetue H., Nweze T., Andrews D., Kenny B. (2020). The darker angels of our nature: Do social worldviews mediate the associations that dark personality features have with ideological attitudes? // *Personality and Individual Differences*. Vol. 160. Article 109920. URL: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/j.paid.2020.109920> (access date: 24.09.2024).

Тамбовцев Виталий Леонидович

tambovtsev@econ.msu.ru

Vitaly Tambovtsev

Doctor of Sciences (Economics), professor, Chief Researcher, faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

tambovtsev@econ.msu.ru

FOLK ECONOMICS AND DEMOCRATIC BACKSLIDING PHENOMENON

Abstract. The article analyzes the influence of the so-called folk economics, which is quite widespread among non-specialists, on the electoral processes that have been taking place in recent years in a number of democratic countries, often interpreted as a democratic backsliding. For this purpose, the concept of folk economics, its content, causes and sources of origin, as well as factors of its stability over time are considered. It is shown that the corresponding beliefs consist in understanding the economy as a zero-sum game. On this basis, an overview of the studies of those political consequences generated by folk economics is given. The political process interpreted as the democratic backsliding is characterized, and it is shown that the factor of the presence of folk economics beliefs among the population of various countries is one of the reasons for the emergence of the democratic backsliding process. On this basis, it is concluded that effective measures to overcome the democratic backsliding must also include actions to ensure the retreat of the convictions of the folk economics beliefs.

Keywords: *folk economics, zero-sum game, democratic backsliding.*

JEL: D70.